

УДК 902(477.7)"637"

Киосак Д. В., Олейник А. А., Синельников А. С. (Одесса)*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО САБАТИНОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ.

История исследования.

В 1930-31 гг. житель с. Сабатиновка С. Чуб передал в Первомайский краеведческий музей собранные им яркие археологические находки¹. В 1932 г. Первомайским краеведческим музеем были проведены разведывательные раскопки на так называемой «Жовтяковой Круче» в селе Сабатиновка. В результате этих раскопок было открыто трипольское поселение с керамикой, орнаментированной канелюрами, гребенчатым штампом и полихромной росписью. Раскопки были продолжены в 1938 и 1939 гг. Одесским археологическим музеем под руководством А. В. Добровольского и Е. В. Лагодвской². В результате этих раскопок была исследована часть трипольского поселения, названного первым Сабатиновским, между р. Синицей и одной из улиц современного села. В дальнейшем, уже после Второй мировой войны работы тут были возобновлены Среднебугской экспедицией под руководством А. В. Добровольского. Во время раскопок был также обнаружен культурный слой эпохи поздней бронзы, представленный керамикой и скоплениями костей, исследовано восемь жилищ этого времени. Было установлено, что между слоями Сабатиновского поселения в хронологическом отношении весьма значительная разница³. Со времени публикации в 1952 г. материалы Сабатиновского поселения неоднократно привлекались, упоминались и интерпретировались как трипольскими, так и специалистами по эпохе бронзы⁴. Тем не менее, в полном объеме материалы поселения до сих пор не исследованы и не опубликованы. Полевые работы на памятнике не проводились более полстолетия. Поэтому новые небольшие изыскания представляют значительный научный интерес.

Основные итоги стационарных исследований заключались в следующем. Культурный слой А (трипольский). Культурные остатки залегают в слабогумусированном суглинке, который перекрывает размытый лёсс на глубине 1.6-2.3 м от дневной поверхности. Эти остатки перекрывают поверхности глиняных, сильно выпаленных вымоستков. Залегают они также и между вымостками и на всей территории поселения. В связи с тем, что и вымостки, и культурные остатки залегают в разных горизонтах, можно говорить о сплошном культурном слое толщиной до 0.7 м.

Были найдены вымостки двух видов, – прямоугольные и круглые, что говорит о различном их предназначении. Также было найдено большое количество костей домашних и диких животных. Среди производственных орудий были выделены сельскохозяйственные – мотыги разных форм из рога оленя, серпы из лопаток крупных животных и зернотерки. Керамические изделия заняли основное место в коллекции изделий этого периода. По своим морфологическим и технологическим особенностям керамическая посуда была разделена на 3 группы. Среди керамических изделий известны также фрагменты пяти сильно стилизованных сидячих антропоморфных статуэток. В слое А найдены также кремневые изделия, но их процент невелик (треугольные острия стрел и

* Киосак Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Олейник Анна Александровна, студентка III курса исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Синельников Александр Сергеевич, студент IV курса, исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

скребки различных видов). В нетронutom слое найдены и изделия из бронзы (медные шила, иголка с ушком и булавка кипрского типа).

Культурный слой Б (позднебронзовый). Культурные остатки этого слоя залегают, как правило, в черноземе на глубине 0,7-1,3 м. По крутому обрыву к р. Южный Буг выявлены остатки восьми глинобитных жилищ на разном расстоянии одно от другого. Культурные остатки встречаются только между жилищами, где они почти равномерно насыщают грунт. Культурный слой характеризуется наличием большого количества костей домашних животных. Самую большую часть артефактов составляет лепная посуда, различная по морфологии и технике изготовления. Также были найдены каменные изделия (зернотерки, растиралыники, топор). Орудия из кости представлены обломками лопаток с рубцами, шилами различных размеров, рубцованными и просверленными ребрами животных, изделиями из просверленных костей и рога оленя⁵.

Разведка и характеристика материала.

Разведывательные работы проводились на территориях на расстоянии около 200 м от места впадения р. Синица вдоль левого берега р. Южный Буг вверх по течению, а также вдоль правого берега р. Синица на расстоянии около 70 метров от места впадения. Были обследованы как склоны берега, так и распаханые прибрежные огороды. В результате было найдено большое количество обломков керамических, несколько кремневых изделий, а также по одному орудью из камня и рога.

Керамические остатки характеризуются наличием 54 обломков лепных сосудов,

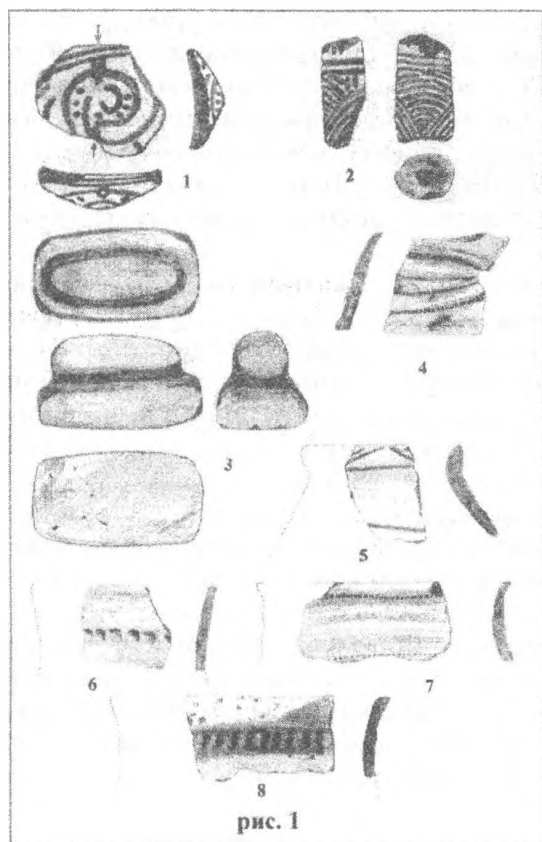

рис. 1

фрагментом антропоморфной статуэтки и весьма интересного растиралыника. Ниже дана характеристика наиболее выразительных керамических находок, позволяющих представить себе форму сосуда (рис. 1).

1. Фрагмент верхней части широко открытого сосуда, диаметром 46-48 см, ornamentирован горизонтальными каннелюрами. Венчик отогнут. По контакту венчика и плечиков нанесен ряд плоского прямоугольного штампа, еще один ряд – по перегибу между двумя каннелюрами в 4 см ниже. Внешняя поверхность – светло-серая, подглаженная, внутренняя – черная, хорошо заглаженная. Обжиг двухслойный, при толщине стенки 8-10 мм. Тесто плотное, хорошо отмуленное, с несортированной минеральной примесью, с небольшим количеством мелко толченой раковины и шамота. Сосуд очевидно относится ко второй группе по В. Г. Збе-новичу⁶ и к группе каннелированной керамики по Т. С. Пассеку⁷. От большинства сосудов этой группы он отличается большими размерами и толщиной стенок (рис. 1: 7).

2. Фрагмент верхней части широкого кухонного сосуда, диаметром около 50 см.

Венчик плавно отогнут наружу, плечики прямостоящие. Ornamentирован каплевидными вдавлениями, сделанными палочкой диаметром 5 мм, в месте перегиба венчика в плечико. Наружная поверхность венчика покрыта светло-коричневым ангобом. Тесто плотное с примесью, в основном шамота (рис. 1: 8).

3. Фрагмент венчика, диаметром около 20-28 см. Венчик ornamentирован резным орнаментом в виде широких треугольников вершиной вверх. По основанию венчика

нанесена горизонтальная врезная линия. В 5 см от неё еще одна горизонтальная врезная линия. Внутренняя сторона венчика украшена косыми врезными линиями. На внутренней стороне, ниже венчика, горизонтальные проглаженные полосы. Тесто плотное, с примесью. Обжиг двухслойный. Внешняя поверхность темно-серого цвета со светло-коричневым оттенком. Внутренняя – серо-черного цвета. Органические, минеральные примеси (рис. 1: 5).

4. Фрагмент верхней части кухонного сосуда, диаметром 38-44 см. Край венчика расщеплен небольшими углублениями. Шейка украшена горизонтальной полосой вдавлений в виде неправильного треугольника вершиной вниз. Обжиг двухслойный. Тесто плотное, хорошо отмуленное, с несортированной минеральной примесью. Цвет наружной части – серый, темно-серый. Внутренняя поверхность – темно-серая (рис. 1: 6).

5. Фрагмент полого высокого поддона, диаметром около 24 см, украшен рядами (4 шт.) плоского прямоугольного штампа, сходящихся к сквозному отверстию, диаметром 1,5 см. Тесто плотное, хорошо отмуленное, с примесью, в основном, мелкотолченой ракушки. Внутренняя и внешняя поверхность – серого, желто-серого цвета (рис. 1: 4).

6. Фрагмент крышки сосуда с конусовидным напелем, украшенный спиральным врезным орнаментом. Между спиралями – овальные вдавления небольшого диаметра. Налеп вертикально пронзает сквозное отверстие. Тесто тщательно отмулено. Цвет – розовато-желтый. Невооруженным глазом примеси незаметны (рис. 1: 1). По своим характеристикам данный фрагмент керамики относится к третьей группе по классификации В. Г. Збежовича⁸.

Более мелкие фрагменты, неиндикативные в смысле формы сосуда, достаточно разнообразны (рис. 2).

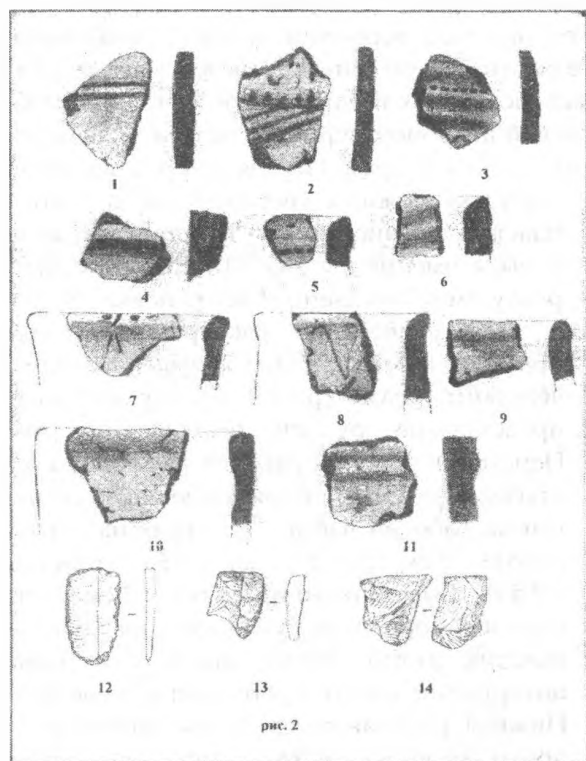

рис. 2

В западной части поселения, в основном, встречаются фрагменты лепной посуды, с грубым, неоднородным тестом, двух-трех-цветные в сломе. Всего тут найдено 30 фрагментов стенок (в том числе с расчесами по внутренней поверхности), 1 обломок стенки, украшенной треугольным в сечении напелем валиком (рис. 2: 11). Четыре расщепленных кремня (2 обломка кремневых галек, окатанный отщеп с желтой патиной, боковой скребок на проксимальной части пластины с бело-голубой патиной) были собраны здесь же (рис. 2: 13, 14). На поверхности встречаются многочисленные кости животных, в том числе обожженные, и фрагменты керамики нового и новейшего времени. Находки встречаются, по сути, вдоль всей террасы до места ее резкого поворота в сторону от берега Южного Буга.

В осыпи берега против указанного участка поселения найдены дистальный конец пластины с ретушью по периметру (рис. 2: 12) и обломок стенки лепной керамики с плотным желтым черепком и значительной органической примесью.

В восточной части поселения собраны 17 фрагментов лепной керамики. 9 из них по своей текстуре напоминают группу, описанную выше и, как и она, скорее всего, относятся к эпохе поздней бронзы (рис. 2). Среди них три венчика: прямостоящий венчик высокого сосуда и два отогнутых венчика (один из них диаметром около 8 см).

Среди оставшейся группы керамики: один округлый венчик сосуда из желтой, хорошо отмуленной глины, близкий к нему по текстуре фрагмент стенки лепного сосуда, 2 обломка стенок сосудов, орнаментированных каннелюрами и плоским прямоугольным штампом, 1 фрагмент украшенный лишь каннелюрами, 1 кососрезанный венчик желто-глиняного сосуда с рядом плоского прямоугольного штампа в 1 см под ним, 2 обломка стенок сосудов с резными линиями. Один из последних фрагментов украшен также двумя рядами небольших каплевидных вдавлений. Последние фрагменты больше напоминают кухонную керамику трипольского времени (рис. 2: 1-10). Тут же найден клиновидный предмет из камня (рис. 3: 1). В разрезе изделие имеет приближенную к прямоугольнику форму. Высота его – 6,5 см, длина в широкой части – 4 см. В профиле предмет имеет форму конуса, сужающегося к низу, ширина – 2,5 см. Предмет изготовлен из разновидности плотного, возможно мраморизированного, известняка. Подобное изделие могло использоваться в качестве отбойника.

На поверхности восточной части поселения, кроме вездесущей керамики нового и новейшего времени встречались также небольшие обломки глиняной обмазки.

Наряду с массовым материалом, отмечены и индивидуальные находки. Фрагмент антропоморфной статуэтки (рис. 1: 2). В разрезе имеет овальную форму, по центру прорезан отверстием шириной 0,7 см. Длина обломка 5 см, ширина в верхней части 2,3 см, в нижней – 2,7 см. Тесто плотное, хорошо отмуленное, с примесью мелкого песка. Поверхность мутно-желтого цвета, светло-серая в разрезе. Передняя часть статуэтки плотно покрыта врезным орнаментом. В верхней части не четко прослеживается полоса из вертикально расположенных вдавлений овальной формы высотой 0,4 см. Ниже расположены две горизонтальные параллельные полосы, опоясывающие статуэтку по «поясу». Под ними расположена подтреугольная зона вершиной к низу, заполненная горизонтально расположенными дугами. По бокам от этой зоны прослеживается ряд из 5 параллельных линий с каждой стороны, расположенных по диагонали к оси статуэтки. Данный обломок статуэтки относится к женской антропоморфной пластике и является, вероятней всего, частью от места перехода от талии к бедрам. Исходя из орнаментации, статуэтку можно с уверенностью отнести к пластике среднего этапа Трипольской культуры, а именно к этапу В1⁹. Такую же датировку имеет поселение Сабатиновка 1¹⁰.

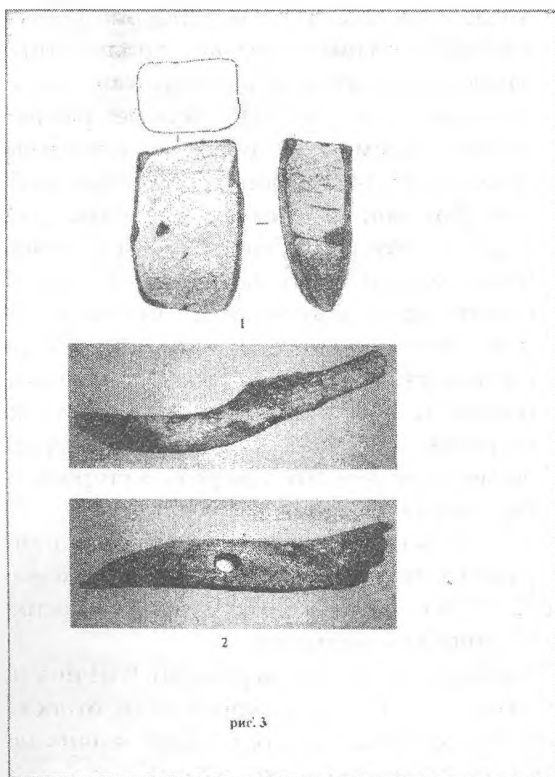

рис. 3

Керамический растиральник подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами (рис. 1: 3). Верхняя часть представлена ручкой овальной формы. Переход от ручки к рабочей части выражен глубокой выемкой, опоясывающей изделие. Длина рабочей части 7 см, ширина – 4 см, высота – 2 см. Длина ручки – 5,8 см, ширина – 2,5 см. Высота всего изделия – 4,2 см. Тесто плотное, хорошо отмуленное. Поверхность изделия мутно-желтого цвета, с пятнами потертостей темно-серого цвета, лощенная. Нижняя, рабочая поверхность темно-серого, почти черного цвета и покрыта многочисленными, хаотично расположенными бороздами различной толщины, которые являются следами использования изделия для растирания. Внутренняя масса черного цвета, что видно на небольшом угловом сломе. Не существует характеристики изде-

лий подобной морфологии, поэтому невозможно определить его культурную принадлежность.

Для изготовления мотыги из рога была использована боковая штанга рога оленя (рис. 3: 2). Орудие длиной 34 см с кососрезанным рабочим краем, имеет перпендикулярную постановку лезвия относительно оси отверстия для рукоятки. Отверстие для рукоятки овальное, диаметром около 2 см, немного сдвинуто ближе к рабочему концу. На краях отверстия видны следы от заклинивания для крепления к рукояти. Рабочая поверхность плохо заглажена, что свидетельствует о недлительном использовании орудия. Обуховая часть была сломана и сохранилась частично.

Выводы.

Сабатиновское поселение вошло в археологическую литературу как эталонный памятник этапа В1 трипольской культуры Побужья и как эпонимное поселение сабатиновской культуры поздней бронзы. При этом основная часть коллекции, собранной при стационарных исследованиях на памятнике в первой половине прошлого столетия, не опубликована, а часть (раскопки 1932 г.) утрачена вообще.

Небольшие сборы, публикуемые в этой заметке, безусловно, едва ли составляют сотую часть общего объема археологического материала, добытого на памятнике в далекое от нас время его интенсивного изучения. Тем не менее, они позволяют осветить основные аспекты хронологии и пространственной структуры памятника.

Столовая и кухонная керамика трипольской культуры в целом не противоречит датировке трипольского эпизода обитания на Сабатиновке 1 этапа В1. Хотя характерная расписная керамика не была встречена в поверхностных сборах, именно на такую хронологическую атрибуцию указывает находка обломка антропоморфной статуэтки.

Отмеченная автором раскопок (А. В. Добровольским) пространственная структура памятника, когда в восточной части встречались находки трипольской культуры и эпохи поздней бронзы, а в западной – лишь позднебронзовые, подтвердилась и при анализе пространственного распределения паходок из поверхностных сборов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Козубовський Ф. А. Археологічні дослідження на території БОГЕСу 1930-1932 рр. Підсумки археологічних розвідкових робіт в районі майбутнього підтоплення Бозької гідроелектроцентралі. – К., 1933.
2. Добровольский А. В. Поселение трипольской культуры в с. Сабатиновка на Южном Буге. Рукопись // Архив Одесского археологического музея НАНУ. – 1941. – № 69283.
3. Добровольський А. В. Перше Сабатинівське поселення // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1952. – Т. 4. – С. 78-83.
4. Бурдо Н. Б. Основи хронології Трипільля-Кукутені // Археологія. – 1998. – № 2. – С. 17-29; Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. – К., 1985.
5. Добровольський А. В. Перше Сабатинівське поселення.
6. Збенович В. Г. Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины. – К., 1986. – С. 89-103.
7. Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений (III-II тыс. до н. э.). – М.-Л., 1949. – С. 50.
8. Збенович В. Г. Указ. соч. – С. 89-92.
9. Погожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск, 1983.
10. Пассек Т. С. Указ. соч. – С. 52.

**АНТИЧНОЕ «ГРАДИШТЕ» У С. ДОЛНА ГРАШТИЦА БЛИЗ КЮСТЕНДИЛА
(БОЛГАРИЯ)**

В 1988 г. строители затеяли прокладку труб у окраины с. Долна Граштица близ нынешнего берега реки Струма. Траншея глубиной около двух метров прорезала территорию городища с северо-востока на юго-запад, в культурном слое открылась мощные (западные), стены зданий с системой дренажа и др. Начатая летом следующего года выборка материалов из выброса траншеи убедительно продемонстрировала преобладание фрагментов предметов позднеантичного времени: «серой македонской» и украшенной штампом красноглиняной керамики, сероглиняных чаш и крышек, кусок бетонного раствора с отпечатком копытца овцы, фрагмент плинфы с таким же отпечатком, часть горла «ойнохой», монету конца IV в., характерные железные гвозди и крючки, а также фрагмент горла ранневизантийского сосуда V-VI вв. Явно оказался потревоженным важный археологический памятник и было принято решение о разворачивании многолетних раскопок, что удалось реализовать только в течение одного месяца летом 1989 г. и всего летнего сезона 1990 г.

Объект находится в восточной части Кюстендилской котловины южнее Конявского горного массива на средней высоте над уровнем моря 525 м¹. Дугообразно окружающий местность Конявский горный массив в 4-5 км от памятника изобилует необходимыми строительными материалами – выходами известняков и дубовыми рощами. В римскую эпоху, когда протекавшая здесь Струма (древний Стримон, знакомый еще Гомеру) была шириной минимум несколько десятков метров, еще имелся и сосновый лес, однако, исключая кровельные конструкции и интерьера, римская строительная школа всюду предпочитала камень. На берегу Струмы поблизости до сих пор встречаются источники с отличной водой, и потому в некогда построенной здесь крепости с этим явно не было проблем. Так как в 1880 г. в недалеком отсюда селе Коняво был найден клад в виде сосуда с золотым песком, то это – намек на развитый здесь в древности промысел. Кроме того, признаки отправления здесь оргиастических культов могут свидетельствовать о хорошо развитом виноградарстве. Куски шлаков являются остатками практиковавшегося здесь металлопроизводства, в большом количестве производилась керамика.

Объект расположен на территории округа античной Пауталии (располагалась в центре нынешнего города Кюстендил) в западной части римской провинции Фракия, сформированной в середине I в. н. э. на землях прежде союзного Риму Одрисского царства и соседствовавших с ним прочих южнофракийских племен. Примерно в 270 (275?) г. в правление Аврелиана после эвакуации римских войск из северофракийской Дакии тут было образована провинция Внутренняя Дакия (Dacia Mediterranea). Именно Пауталия спустя столетие должна была стать столицей пришедших из-за Дуная готов, но это предложение римских властей припелыцы не приняли.

Еще давно предполагалось, что на берегу сместившейся на юг на километр-два Струмы² некогда находилось укрепленное селище на пути из римской Пауталии через Элею (в Радомирской котловине) в Сердику (нынешняя София) через реку по 70-метровому мосту³. Один из зачинателей национальной болгарской археологии И. Иванов⁴ пишет об остатках римского моста: 5 опор из гранита 5,5 x 3 м и между ними проходы дважды по 9 и 12 м. Местность в конце потока, выходявшего из Граштицкой долины, именовалась Градиштето или Кальето (по-турецки «крепость», так как на месте с. Долна

* Крыкин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета.

Граштица до освобождения этих территорий русскими войсками в 1877 г. располагались 7 турецких владений – чифликов, руины которых были и доныне заметны) – в 300 м от нынешнего села, и свободной площадью 0,6-0,7 га (именно тут, в южном секторе памятника, и трудились советский отряд экспедиции).

В 1907 г. там был найден 20-тикаратовый золотой солид Юстиниана, также отмечены находки бронзовой статуэтки Гермеса, фрагмента терракоты всадника. Монеты на Градиштето вообще соответствовали хронологическому коридору со II по VI вв. (до времен Юстина и Юстиниана) и наши раскопки вполне это подтвердили. Выше Градиште находился античный некрополь, и даже на нынешнем сельском кладбище условно отмечалась выемка Элински гробишта («греческие кладбища») – прямое свидетельство погребения здесь доболгарского населения. Выше нынешнего с. Долна Граштица располагается с. Горна Граштица – явно существовавшие «нижнее» и «верхнее» городища (селища с применением фортификации). Таким образом, к востоку от с. Долна Граштица на площади порядка квадратного километра просматривались остатки еще одного селища: в местностях Кальето, Горно грамагье, Долно Грамагье, Драки извор («источник»). В центре Кальето якобы находили мраморную статую в человеческий рост. В окрестностях возвышаются два кургана – Стара и Мала могила. Сюда тоже проходил путь от моста на север, полотно его не сохранилось, но осталось название одной из нив – Калдрымо (тур. «щебенка»)⁵.

Советскому отряду почти сразу же удалось открыть руины крепостной башни и стены укрепленной виллы (*villa rustica*) второй половины III – начала IV вв. н. э. (укрепление вилл являлось жестким требованием императора Константина), превращенной в крепость и усиленной для этого дополнительным панцирем стен при Юстиниане (527-565) (схему раскопа см. в предыдущей публикации автора в «Лукоморье»)⁶. Разработка основного большого раскопа площадью 375 кв. м сопровождалась разбивкой стратиграфических раскопов и шурфов (еще 53,5 кв. м). Это позволило убедиться в серьезном изменении рельефа местности за минувшие века (в частности, были выявлены признаки глубокой плаштанной вспашки поверхности) и дало возможность ограниченно использовать землеройную технику для раскрытия поверхностного контура крепости еще на глубине 0,2-0,5 м.

Проблемным представлялось предназначение объекта, который явно служил для охраны моста большого в древности военного значения. По заключениям известной исследовательницы З. Гочевой в IV в. наступил очередной этап строительства фракийских крепостей часто на местах более ранних с целью создать особую оборонительную зону, защищавшую Родопы и Средна Планину до начала VI в. И для их сооружения применялся известковый раствор с шпатом из толченого кирпича, а потому розовый⁷. Эти крепости были плотно заселены и охраняли дороги.

Пейтингерова таблица упоминает большую дорогу Сердика – Пауталия – Стобы⁸ и Градиште могло использоваться на отрезке между Пауталией и Элеей (объект близ нынешнего Радомира), между которыми было отмечено 28 миль. 70-метровый римский мост был намного древнее доныне существующего средневекового Кадица моста (ок. 1470 г.) в с. Невестино неподалеку от Граштицы. Й. Иванов в начале истекшего века исследовал там великолепную виллу римского времени с подкурганными захоронениями романизированной местной фракийской верхушки⁹. По заключению патриарха болгарского антиковедения Б. Герова, во времена Нерона, когда римляне аннексировали всю Фракию, «в столь раннюю эпоху истории провинции Фракия племенные центры Сердика и Пауталия были фракийскими селами и не представляли собой важных объектов дорожной сети» и таким образом «южный» путь появился не ранее эпохи Траяна. По другому предположению Б. Герова, базировавшаяся в пауталийской коме Германия (ныне г.

Сапарева баня) Вторая Луцензиева когорта охраняла путь между Пауталией и Филиппополем (ныне г. Пловдив), возможно, и Элею, судя по найденной в с. Гылыбник надписи¹⁰.

Вторая Луцензиева когорта, как однажды решился предположить автор этих строк¹¹, первым из римских формирований была представлена своей вексильацией в Ольвии, и произойти могло это не при Антонине Пии, когда легионные вексильации высадились и составили римский гарнизон древнего северопонтийского полиса, а несколько раньше – при Адриане. Набранная некогда в Испании, Вторая Луцензиева когорта была определена на место постоянного базирования в провинции Фракия в кастелле Германия¹² (ныне болгарский городок Сапарева баня вблизи знаменитого Рильского монастыря), что установлено давно¹³ и не оспаривается, при этом контролировалось отклонение на пути Пауталия – Сердика в сторону Филиппополя¹⁴. Римлянам вполне хватало для контроля над фракийскими землями малочисленных формирований – так, Иосиф Флавий (Bel. Jud. II, 368) при описании событий 66 г. н. э. назвал цифру численности римских войск во Фракии – две тысячи бойцов.

Полномасштабная урбанизация глубинных фракийских территорий началась при Траяне, однако Пауталия начала расти при Адриане, до времени Гордиана переживала расцвет (особо при Северах)¹⁵. Фракийская верхушка поддержала процесс инкорпорации в Римскую империю, раскопки виллы второй половины I–III вв. под руководством И. Иванова у с. Невестино вполне в этом убеждают. Болгарский исследователь К. Жуглев¹⁶ проницательно заметил: «Наступили особенно благоприятные условия для восстановления и дальнейшего развития Мёзии и Фракии. Теперь различные племена были подчинены префектам и стратегам, которые, обладая военной и административной властью в префектурах и стратегиях, зорко следили за всяким движением среди местного населения. Эта организация делала почти невозможным перемещение племен и создавала принудительные порядок и спокойствие в Мёзии и Фракии. Вся страна была прочно охвачена римским провинциальным устройством, которое системно подавляло свободлюбивый характер фракийского населения и постепенно его направляло к *производительному* [курсив – К. Ж.] труду». Фракийские племена со своей натуральной экономикой («домашний способ производства» по М. Саллинзу)¹⁷ вошли в состав античной империи с ее рыночной экономикой и товарными производствами¹⁸. Наметившийся демографический рост дополнился связанной с римской урбанизацией колонизацией из грекоязычных областей Балкан, Малой Азии и Ближнего Востока («эллинизм»).

В нескольких километрах от Долна Граштицы и Градипта по пути к Пауталии на месте нынешнего с. Коняво находилось древнее фракийское селище Спинопара (Σπινοπαρα) и функционировало святилище. Во второй половине II – начале III вв. там оформился *εμπόριον*. Близ Горна Граштицы у нынешнего с. Таваличево оформилась крепость со стенами по сторонам света, обнаруживаются монеты времени от Карагаллы до Юстиниана. Стримон помимо золотого песка и возможности орошения был еще и судоходен, потому сам мог служить транспортной артерией¹⁹. В древности будто бы помимо богиши Пауталии почитали речного бога Стримона²⁰ (судя по легендам пауталийских молет).

Градипте у с. Долна Граштица сохраняло руинированные остатки укрепленного поселения у моста через Стримон – мощная стена убедительно просматривалась в прокопанной строителями траншее. Разведывательные шурфы еще при начале активных археологических раскопок²¹ показали, что мощность культурного слоя местами превышает 3,5 м, берма (края уплотнены и укреплены мелким щебнем) перед стеной составляет порядка десяти метров, у древнего русла имелся ключ с оборудованным возле нимфеумом (найден фрагмент мраморной вотивной плитки).

Проведенные советской группой раскопки показали, что высота сохранившихся в культурном слое римских стен (субструкций и руины суперструкций) достигала 2,5 м. Южный сектор обороны объекта III–VI вв. у южного склона террасы над берегом Стримо-

на (сильно обмелевшая вследствие интенсивных порубок лесов река только после 1952 г. сместилась на километр южнее руин крепости, будто бы вследствие урагана, и это позволило местным селянам доразобрать остатки опор римского моста) контролировался монументальной U-образной башней. Однако перед крепостной куртиной спускалось на берег капитальное сооружение хозяйственного предназначения с одной стеной общей мощностью 3,6 м с несколькими (пятью минимум) давальными площадками из «цемянки». Огромный винодельческий комплекс (см. рис. 1, 2) швом примыкал к куртине почти у башни и здесь культурный слой на объекте «Градините» выявлен не менее чем трехметровый.

Античное селище было разгромлено и разрушено, спустя века значительная часть строительного камня выбрана. Однако «стена» (суперструкция) в южной оконечности объекта мощностью 3,6 м была раскрыта до полутора метров в сохранности, до банкетных уступов и субструкции предстояло добраться, но этому не было суждено осуществиться²². Внешний фас стены был выполнен в технике *opus vittatum* из небольших «туфелей» (камни по ширине 0,10-0,15 м). Верхняя плоскость оказалась очищенной от рупенного камня и практически всюду вырисовалась слоем цемяночного раствора толщиной 6-9 см. От сбитых плинф остались лишь отпечатки на растворе.

Постепенно стало ясным, что мощная «стена» примыкала впритык к реальной стене укрепленного селища, причем пространство между двумя ее фасадами (параллельные стенки 0,58 и 0,42 м соответственно) конструктивно было заполнено бутом (эмплектон). При дальнейшей расчистке открылись три правильных прямоугольника с чистой поверхностью без цемяночного раствора и без признаков на них кладок. Между ними имелись продольные бортики шириной от 22 до 32 см и один поперечный 8 см – с отпечатками некогда уложенных на раствор плинф. Края плоскостей прямоугольников (все три сохранных, примерно 2,6 x 1,3 м) слегка загнуты к бортикам-перегородкам и сверхмощная «стена» оказалась несколькими давальными площадками огромной античной винодельни, покрытыми мощным слоем (слоями, так как неоднократно в ходе эксплуатации следовали подмазки) цемянки для гидрофобии.

Сравнительно недалеко был обнаружен крупный (1,2-0,8 x 0,4 x 0,6 м) обломок плиты из твердого камня – по мнению ведущего у нас специалиста по античному виноделию Н. И. Винокурова – базового груза давильного пресса. Плинфы, кстати, которые применялись строителями селища, имели габариты 0,29 x 0,31 x 0,04 м. Они крайне редко оказывались найденными в целом виде, так как явно применялись вторично при функционировании селища. Напротив желобов для стока выдавленного виноградного сока должны были располагаться вкопанные в землю долии, но эти высококачественные огромные сосуды заинтересовали позднейших пришельцев на уже руины поверженной виллы-крепости и они ими пользовались (один такой сосуд в виде очень крупных фрагментов был обнаружен нами под самой куртиной близ башни, при этом цемянка ближайшей давильной площадки была для этого продолблена по контуру для вертикальной установки долии). Напротив возможной пятой давильной площадки такой вкопанный долии был открыт *in situ*.

В десятке метров от внешнего фаса винодельческого комплекса выявлена 4-х метровая, толщиной 0,7 м, параллельная стенка-перегородка, также перпендикулярно примыкающая к куртине укрепленной виллы. За ней располагался склад-сарай-хранилище с вкопанными долиями (остатки двух из них были открыты опять же под куртиной). Весь винодельческий комплекс явно защищался легким навесом, без черепицы.

Направление не считалось опасным – только это объясняет столь близкое соседство производственного (*pars rustica*) и оборонительного комплексов. Опасности со стороны Стримона никто не ожидал, башня должна была обеспечить необходимый обзор над рекой и окрестностями и могла быть даже сигнальной. Но однажды враг, похоже, явился

именно сюда, напад на наименее подготовленный к обороне сектор. Мост располагался примерно в полукilометре в сторону Пауталии, поэтому не стоит преувеличивать военное значение крепости «Градинте».

На монетах Пауталии встречается изображение речного бога Стримона (Στρίμων) с ладьей на воде как признаком судоходства. Позднейшие вырубки лесов привели к резкому обмелению реки, но в древности ситуация была совсем другая и едва ли бы Гомер упоминал малозаметную реку. Еще символами благоденствия Пауталии и жителей Пауталийского поля являлись виноградная гроздь (βότρυς), серебро (ἀργύρος), хлебный колос (σπῆχυς) и золото (χρυσός)²³, которые олицетворяли хозяйственную специализацию области в составе Римской империи.

Нам повезло – мы исследовали руины самой крупной из выявленных на древних фракийских землях виноделен²⁴. Винодельческий комплекс площадью явно более 90 кв. м встык примыкал к куртине укрепления и углу башни особой U-образной формы²⁵. Нумизматические и керамические материалы позволяют утверждать, что укрепленная вилла и этот кратковременно функционировавший комплекс были возведены в конце III – начале IV вв. н. э.²⁶ Позднее стена и башня доукреплялись, а винодельня подверглась искусственному разрушению с частичной разборкой.

Важно заметить, что винодельня у с. Долна Граштица и прочие винодельни II-IV вв. на мнимой родине виноделия²⁷ сооружались по характерным италийским технологиям. Не похожие формами на греческие пифосы римские долии (dolia) возле огромных давяльных площадок с простейшей системой стока и сбора винного сусла содержали длительное время большое количество товарного вина не слишком высокого качества и изопренной технологии приготовления, то есть недорогое вино производилось целенаправленно на вывоз. Любопытно, что среди многих сотен известных Н. И. Винокурову виноделен, образец у с. Долна Граштица ближайшим аналогом имеет эталонную римскую винодельческую виллу у нынешнего итальянского городка Боскореале близ Помпей.

Эксперимент, похоже, на внутренних фракийских землях (не имеются в виду эгейские приморские территории, контроль над которыми фракийцы к тому времени очень давно уже утратили) не удался, и пришлось вернуться к ведению зернового хозяйства. Присоединяемся к мнению харьковского историка А. П. Мартемьянова²⁸ о малозначимости виноделия во фракийском хинтерланде, акцентируя при этом на не слишком выгодных природно-климатических условиях тех времен и отсутствии, прежде всего по этой причине, древней традиции (школы) виноделия, хотя собственно виноград был известен там тогда уже много веков²⁹.

В отличие от фракийского хинтерланда (глубинки), в Эгейской Фракии имелись прекрасные условия для развития виноградарства и потому еще Гомер (Il. IX, 65-75; Od. IX, 196-211) отметил высокий уровень развития виноградарства и виноделия именно на южнофракийском побережье, называя вино племени киконов черным, сладким и благоуханным. Века спустя Фукидид (IV, 84-88) описывал ужас населения полиса Аканфа перед лицом возможной потери урожая винограда, аналогично и жителей будущей родины Аристотеля – Стагир. О сладких разновидностях вина отсюда писал Атеней (I, 31a), при этом уточняя, что знаменитое библинское вино производилось в районе Ойсима в Юго-Западной Фракии. Правда, описываемые им же способы приготовления и ароматизации вина типа добавления морской воды, или мучной смеси на мед, либо незрелых ягод вызывают сейчас некоторые сомнения³⁰. Шеститысячный отряд Ксенофонта (VII, 4,3) во время зимнего похода вглубь Фракии снабжался вином у местных финов, причем оно даже замерзало в таре. Позднейший лексикограф Гесихий для обозначения вина привел фракийское слово ζεῖλα, причем почти все фракийцы (кроме немногих горцев)³¹ очень его любили³², не смешивая его с вином на эллинский лад, и пьянство их было пословичным, однако, в порядке вещей, не от собственной продукции³³. Ксенофонт

(Anab. VII,3) и Платон (De leg., 637) описали характерный фракийский обычай орошать себя каплями вина, оставшимися после возлияния. Кроме того, помимо чествования гостей и хозяина по случаю приема, обряда братания, погребения и поминок фракийцы пили еще и за плодородие, отчасти воспринимая капли вина как жертвенную кровь³⁴.

Возможно, история сохранила нам и название объекта у с. Долна Граштица, так как во времена Юстиниана помимо укрепления городов придавалось большое значение сооружению заградительных крепостей даже внутри страны, и Прокопий Кесарийский в своем трактате «О крепостях» (De aedificiis. IV, 4) упомянул 5 крепостей близ Пауталии: «πρὸ πόλιν Παυτά(λειαν)я Τάρπωρον, Σόβαστας, Χερσοόσκερας, Βλέπουρ, Ζεαπουρίες»³⁵. Одно из этих фракийских названий вероятнее всего имеет отношение к исследуемому нами укрепленному селищу, так как оно претерпело в V-VI вв. новые большие фортификационные работы и стало серьезным оборонительным объектом.

Поначалу оборонительный комплекс villa rustica был опоясан стенами стандарта 0,8 м (и U-образная башня тоже) в технике opus mixtum, пока, наконец, во второй четверти VI в. не был утроен в толщине. В свой второй строительный период крепость, теперь уже, возможно, государственный кастелл, была утолщена до 2,4 м в технике opus caementicium, теперь уже на практически чистой извести без добавок красного (давшего приятный розовый оттенок всему строительному раствору) шамота³⁶. Былое качество (и эстетика) было дополнено обычной мощностью при экономии времени и средств. И такие стены, вместе с башней, при погружении на два с половиной метра от нынешней поверхности, сохранились на полтора метра суперструкции, благодаря высокому качеству кладки первого строительного периода фортификации. Однако он не являлся выявленным первым строительным периодом вообще, так как стены и башня villa rustica и винодельческий комплекс были воздвигнуты на руинах более раннего времени. Castellum эпохи Юстиниана – это объект post quem сельской виллы на берегу Стримона близ моста и переправы, но был и период ante quem.

В 1990 г. удалось выявить и расчистить остатки культурного строительства, на которые наложались сооружения villa rustica и винодельческого комплекса. Из южного борта раскопа под мощную «стену» с давящими площадками винодельни прошел отрезок сравнительно тонкой (не более 0,6 м) кладки с метровым ответвлением внутренней планировки на юго-восток. В трех метрах на северо-запад от этих остатков сотрудник Института археологии АН СССР А. М. Смирнов обнаружил ритуальный очаг-жертвенник. Немного позднее чуть севернее башни открылся фрагмент такой же сравнительно тонкой стенки до 4 м длиной (из-под куртины с юго-запада на северо-восток), а в двух метрах от нее была расчищена похожая эсхара³⁷. Оба очага-жертвенника (их фото см. в предыдущей публикации автора в «Лукоморье»³⁸) были открыты на почти трехметровой глубине в полутора десятках метров один от другого вне интерьеров строительных остатков, то есть сооружались на открытом воздухе. В соответствии с характером рельефа местности у древнего берега Стримоны очаги располагались практически на одном уровне, то есть сделаны были одновременно или очень близко по времени.

Первый очаг был сложен из четырех стандартных римских плинф (0,32x0,32x 0,04 м) плашмя и с северо-восточной стороны двух орфостатно поднятых половин плинф, а за ними был выявлен фрагмент вертикально вкопанной керамической трубы. Поверхность близ очага была уплотненной и представляла собой большое горелое пятно, при этом на самой эсхаре были собраны потом разбитые прямо на месте краснолаковый, декорированный штампованным орнаментом сосуд (фото см. в предыдущей публикации автора в «Лукоморье»³⁹), наподобие найденного в нынешнем Кюстендиле при раскопках на месте Старой школы⁴⁰, обычная для этих мест сероглиняная чаша-канфар (II-IV вв.) с тремя отбитыми ручками и «фруктиера» – курильница (фото см. в предыдущей публикации автора в «Лукоморье»⁴¹), образца обнаруженной в Северо-Западном Причерноморье в

античной Тире в слое римского времени (II–III вв.)⁴² – мезийском провинциальном городе с 57 г. Краснолаковый кувшин из Пауталии отнесен болгарскими археологами просто ко II–III вв., а «курильница» «мезийского» типа из Тиры могла относиться только ко времени размещения в городе римского гарнизона во II – первой половине III вв.⁴³, причем в последнее время уже не оспаривается заключение о взятии Тиры готами почти одновременно с Ольвией (и уничтожении при этом римских гарнизонов там и здесь) только в 269 / 270 г.⁴⁴. В собственно Нижней Мёзии в Подунавье похожие лаковые сосуды производились действительно во II–III вв.⁴⁵ «Курильницы» же образца попавшейся нам на первой эсхаре производились там же во второй половине II – начале III вв.⁴⁶

На втором очаге были собраны крупные фрагменты «серой македонской» керамики (II–IV вв.) и рядом великолепную антропоморфную ручку бронзового сосуда⁴⁷. Эта эсхара также была составлена из плинф и их крупных фрагментов, а с северо-восточной стороны снабжена вертикально вкопанной трубой. Остатки строений возле очагов также соответствовали техническим особенностям II–III вв., например, применением раствора с осколками керамики⁴⁸. К этому еще следует добавить, что две плинфы первого очага-жертвенника имели повернутые вверх функциональные (для лучшего схватывания раствора) пальцевые штрихи крест-накрест и параллельно краям, что было свойственно, согласно наблюдениям Ат. Милчева⁴⁹, для III–IV вв. Впрочем, это не опровергает примерной датировки открытых возле Нижней Граштицы эсхар первой половиной III в. н. э.

Что касается этнокультурной интерпретации этих обнаруженных на западно-фракийских землях странных очагов, то принадлежность их автохтонам центра и восточной части Балканского полуострова не вызывает сомнений. Аналогии открыты, но удивляет их датировка. Так, в самом центре Фракии близ нынешнего города Стара Загора (античный Август Траян) при раскопках трех архитектурных комплексов виллы у реки Чаталка на одном из них в местности Ламбата в верхнем слое обнаружили остатки жилищ с каменными стенами, сложеными насухо, а такие кладки или просто на глине явно продолжали традицию коренного фракийского населения. Обитатели жилищ соорудили очаги, применяли римские доли, грузы для ткацких станков и прочее, относимое к IV–V вв. н. э.⁵⁰ Очаги этого населения представляли собой площадки, постланные и огражденные черепицей, при этом с южной стороны каждого из них была вкопана вертикально керамическая водопроводная труба. Что-то очень похожее было обнаружено также во фракийском ареале на нынешней сербской территории в районе Костолаца⁵¹. Немного позднее несколько таких очагов со следами горения сверху были открыты археологом из Перника В. Любеновой среди руин оставленного позднеримским населением вероятного ремесленного и культового центра (либо эмпория)⁵² близ нынешней махалы (выселок близ села) Арбанас у нынешнего городка Радомир на трассе античного пути из Стоб (античный город при слиянии рек Черна и Вардар в Республике Македония) через Пауталию в Сердику, минуя Элею⁵³.

Этот район в IV в. подвергся интенсивному разгрому пришлыми готами. Однако в V–VI вв. на руины спустились местные горные пастухи, представлявшие напоследок остатки местного фракийского этнокультурного субстрата, сами поглощенные вскоре в VII в. колонизационной волной славян в хаосе аваро-славянского нашествия. Именно эти автохтоны и оставили колоритные очаги с вкопанными трубами, а открытые нашей группой были сооружены неподалеку поколением их прадедов.

Винодельческий комплекс явно ко времени Юстиниана потерял былое значение и, по мнению Н. И. Винокурова, владельцы виллы должны были поменять профиль хозяйственной деятельности – в полях виноград требовалось заместить зерном и развивать скотоводство. Внутренняя Дакия даже через Дунай стала испытывать жесткое давление процессов начавшегося Великого переселения народов, и это внесло жесткие коррективы во все сферы жизни местного населения независимо от некоторых наметившихся успехов

в хозяйственно-экономической деятельности. Разбирать его остатки не было жесткой необходимости, так как здесь был берег реки и возможный неприятель ожидался откуда угодно, но не отсюда.

И, тем не менее, наши исследования показали, что защитники крепости ошибались и получили неожиданный удар именно с этого направления. На входе в башню снизу был открыт античный алтарь-заготовка без надписи, но была ли это часть защитной баррикады защитников башни, либо же это результат какого-то иного вторичного использования, уже на руинах крепости. Внутри башни точно в центре на древней дневной поверхности в слое прогоревших деревянных конструкций, рухнувших с кровлей, обнаружили останки мужчины примерно сорокалетнего возраста. Защитник башни со стесанным страшным ударом лицевыми костями черепа рухнул с прогоревшим настилом вниз и остался таким образом погребенным под строительными останками. Возле фрагментированного костяка обнаружили очень частый костяной гребень, украшенный обычным линейно-кольцевым орнаментом (возможно, для бороды), и загадочный костяной предмет с декором того же стиля – из костей складывался контур резонатора, но вместо грифа получалась резная полая трубка (разгадать сущность этого «музыкального инструмента» не удастся).

Специалистами по нападениям со стороны реки были именно славяне, терзавшие своими вторжениями древние фракийские земли всю вторую половину VI в. Точно в середине этого столетия вдоль русла Стримона, возможно, прошелся огнем и мечом прославленный Прокопием Кесарийским в описании «Войны с готами» (VII) III, 38) 3-тысячный элитный славянский отряд, вторгшийся без обычного для традиционного варварского нашествия сопровождения голодной толпы из женщин, детей и т. п. и потому безнаказанно сумевший одержать ряд потрясающих (при их малочисленности) побед. Ими была разбита элитная византийская конница и убит ее начальник Асбад, а в устье Стримона они уничтожили город Топир, располагавший более чем 15 тысяч мужчин.

Разгром крепости близ Пауталии – возможная победа этого отряда, либо же пришедших вскоре вслед за ними (именно славяне умели прятаться в реке и нападать оттуда, что удивляло византийцев). Но вещевой набор из культурного слоя (и монеты) ничего более времени Юстиниана не содержит, время культурного развития остановилось после разгрома, пожара и запустения.

На руинах жизнь теплилась, кто-то пользовался сохранившимися долями (ими вообще пользовались века спустя после гибели или оставления позднеантичных объектов). В разбитых и частично разобранных стенах выбирались ниппи, а в них устанавливали и крепили долии (так было сделано, например, к востоку от башни на месте первой давяльной площадки). Предположительно, на пепелищах селились потомки древнего фракийского населения, горцы-пастухи, которые жили там до прихода римлян и строительства комплексов античных культурных образцов. Они просто вернулись туда, где несколько веков назад находились на берегу простые культовые алтари их предков, описанные выше. То были уже не обладатели характерных римских этниконов *Θρακικες* или *Thraces*, бывшие воины и ветераны из легионов или вспомогательных войск, традиционно пополнявшихся на местах постоянного базирования, а древние носители особого хозяйственно-культурного типа, сохранявшие свою этническую определенность как минимум от «фракийского галыптата» и до активнейшей славянской колонизации в конце VI – начале VII вв.

После двух лет активных археологических исследований на объекте «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила советская археологическая группа достигла определенных предварительных заключений. Они таковы:

1. Объект «Градиште» пережил четыре (строительных) периода своего существования: 1) в конце II – середине III вв.; 2) в конце III – первой половине IV вв.; 3) во второй

четверти VI в.; 4) недолгое время после середины – конца VI в., когда жизнь теплилась на руинах разрушенной крепости.

II. Максимальная сохранный высота открытых стен (субструкций и остатки суперструкций) в южном секторе «Градишта» достигает 2,5 м. Выявленная мощность кульгурного слоя на объекте близ сооруженного одновременно с башней и куртинами хозяйственного комплекса составляет до 3 м.

III. Южный сектор обороны объект «Градиште» в III-VI вв. на склоне низкого берега реки Стримон контролировался с мощной, полукруглой с запада и S-образной с востока башни (можно рассматривать ее как U-образную, производную от «веерообразной»). Башня фланкировала сходящиеся куртины, которые стали тоже вполне оборонительными лишь во второй свой строительный (третий на городище) период в VI в. Тогда *villa rustica* превратилась в *castellum*.

IV. Перпендикулярно к юго-восточной куртине еще в первый строительный период виллы был пристроен хозяйственно-производственный комплекс (*pars rustica*) для производства и хранения вина. Не менее пяти давильных площадки (2,6 x 1,3 м) обеспечивали разовую закладку не менее пяти тонн винограда для получения в итоге огромного количества товарного вина не самого высокого качества, причем виноградарство и виноделие здесь развивались по италийской, а не балканско-эллинской традиции.

V. Вероятно, в конце III – начале IV вв. на месте древнего фракийского селища была сооружена *villa rustica*, достаточно укрепленная (поскольку содержала внутри резиденцию владетеля), с важной побочной задачей контролировать отрезок стратегически важного пути между Пауталией и Сердикой примерно в полукилометре от моста через Стримон (на повороте реки). При Юстиниане доукрепленная мощным обводом стен крепость получила статус государственного кастелла с одним из пяти приведенных Прокопием Кесарийским названием из числа ближних к Пауталии.

VI. В середине (может, в роковом для многих жителей вдоль русла Стримона 550 г.) или ближе к концу VI в. крепость подверглась неожиданному нападению, причем, похоже, со стороны реки, и страшному разгрому с пожаром. Об этом свидетельствуют обнаруженные в центре башни останки погибшего и сгоревшего византийского воина в слое горения рухнувших деревянных конструкций.

VII. С V в. и вплоть до начала VII в. в Западной Фракии в центре жилищ среди руин позднеримских построек относят сооружение votивных жертвенников (эсхар) из римской черепицы с вертикально вкопанной трубой (консультация с известным археологом из Перника В. Любеновой). Подобные две эсхары были открыты и под стенами «Градишта», но сооружены были еще во II-III вв. н. э. и относились к местному фракийскому населению. И позднее эта традиция теплилась вплоть до славянской колонизации бывших фракийских земель и скорой ассимиляции остатков древнего автохтонного населения.

VIII. Находки высокохудожественной бронзовой фигурки (рукоятка ойнохой), абсолютно сохранившегося массивного мортария (римского соответствия греческого лутерия) из красного песчаника, вероятного музыкального инструмента из покрытой ажурной резьбой кости свидетельствуют о высоком развитии материальной и духовной культуры древних жителей «Градишта» и высокого материального положения верхних слоев того общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кръстев К. Кюстендилска котловина и оградните планини // Кюстендил и Кюстендилско. – София, 1973. – С. 15, 21, 22; Захариев Й. Кюстендилска котловина. (Географско-этнографско изследване). – София, 1963. – С. 9, 12 и сл.

2. Еще в 1952 г. (по карте той поры) Градиште находилось на берегу Струмы, ширина которой сейчас непамятного превышает десяток метров и глубина по колено.

Однако, у с. Невестино, где над рекой возвышается горбатый Кадин мост, она достаточно глубокая и мощная, лишь в засуху преодолеваемая вброд – см.: *Захариев Й. Пиянец. Земля и население* // Сб.НУНК. – 1949. – Кн. ХLI. – С. 8, 61.

3. Там же. – С. 273-274.

4. *Иванов Й. Северна Македония.* – София, 1906. – С. 20, 407. Об этом мосте шириной 5,5 м см. также: *Геров Б. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Ч. I.* // ГСУФФ. – 1959/60. – Т. 54. – Кн. 3. – София, 1961. – С. 238.

5. *Захариев Й. Пиянец.* – С. 276, 281.

6. *Крыкин С. М. Фракийские очаги-жертвенники* // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. – 2009. – Вып. 3. – рис. 3 на с. 37.

7. Добавка в строительный раствор шамота (толченая керамика различной фактуры) начинает применяться в последней четверти II в. и это становится нормой после середины III в. – в новостройках и при ремонте. Однако в конце IV-V вв. вместо розового раствора применяют белую, плохо смешанную с песком известь – см.: *Русева-Слокоска Л. Пауталия. Топография, градоустройство и укрепительна система.* – Т. I. – София, 1989. – С. 102-103.

8. *Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an den Hand des Tabula Peutingeriana.* – Stuttgart, 1916. – Sp. 579; *Геров Б. Указ. соч.* – С. 163, 192, 207, 237-238.

9. См.: *Геров Б. Указ. соч.* – С. 235: в 1904-1906 гг. было выявлено, что селище существовало в неолите, раннем железном веке (галыштате) и эллинизме (клады монет Филиппа II и афинских), а три кургана эпохи галыштата (VIII-V вв. до н. э.) сохраняли характерные фибулы, иглы, браслеты.

10. Там же. – С. 238-255.

11. *Крыкин С. М. Deus Sanctus Porobonus* // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 140-147. Посвящение Deo Sancto Porobono связано с пребыванием в Ольвии скорее всего воина-лупензианца. При этом, давно замечено странное подобие этого теонима дедикации Sancto Casebono императорского раба Фелициссимуса, таможенного чиновника эпохи Каракаллы (211-217), из приписанного в первой половине III в. к владениям Пауталии нынешнего района Трынско – см.: *Геров Б. Указ. соч.* – С. 248-249, 318, 332-338, 370.

12. До самого времени Юстиниана *vicus* Germania находился на приписанной к Пауталии территории – см.: *Геров Б. Указ. соч.* – С. 249, 302-304: На месте святилища середины II века у теплого источника в III-VI вв. существовал этот городок и примерно в 198 г. тут разместились Вторая Луцензиева когорта для охраны путей верхнеструмской долины с верховьями рек Искыр и Марица, в частности пути от Пауталии до нынешнего Пазарджика.

13. *Иванов Т. Към въпроса за лагеруването на cohors II Lucensium в град Германия* // Археология. – VI. – София, 1964. – С. 20-23.

14. См., например: *Русева Л. Античната история на Кюстендилския край според исторически извори и археологически материали* // Кюстендил и Кюстендилско. – София, 1973. – С. 32-33; *Русева-Слокоска Л. Пауталия. Топография, градоустройство и укрепительна система.* – Т. I – София, 1989. – С. 14.

15. *Геров Б. Указ. соч.* – С. 256-283. При этом в городе даже осуществлялись эмиссии монеты со 139 г. до Каракаллы (217 г.), а самый ранний эпиграфический памятник датируется 135 г.

16. *Жуглев К. Икономическото положение в Тракия и Мизия и търговските им отношения с Италия през I-II в. от н. е.* // ГСУФИФ. – 1965. – Т. LIX. – Кн. 3. – София, 1966. – С. 189-305 – конкретно 196 и сл.

17. См.: *Саллинз М. Экономика каменного века.* – М., 1999.

18. Подробнее об этом см.: *Крыкин С. М. Основы хозяйственно-экономической деятельности южных фракийцев* // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып.

XII. – М.-Магнитогорск, 2002. – С. 115-121; *его же*. Протогород, протогосударство, протоцивилизация? // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. XVI/1. – М.-Магнитогорск, 2006. – С. 225-243.

19. В ходе наших раскопок попались 5 фрагментов светлоглиняных амфор, изготовлявшихся в I-V вв. на малоазийском побережье для экспорта местной сельскохозяйственной продукции. Это не должно удивлять – в XII-XIII вв. греческое вино в амфорах поставлялось для церковного причащения даже в первую столицу древнерусского Рязанского княжества в 70 км от нынешней Рязани (личные наблюдения в ходе раскопок в Старой Рязани летом 2005 г.). Или же, по еще более ранним личным наблюдениям, племена Черняховской культуры в III-IV вв. пользовались водными артериями Украины и Южной России для транспортирования херсонесского вина в амфорах.

20. Геров Б. Указ. соч. – С. 273-274.

21. Археологические исследования у с. Долна Граштица были инициированы тогдашним директором Кюстендилского музея «И. Иванов» И. Прокоповым, известным в Болгарии нумизматом и будущим директором Национального Исторического музея. В 1989 и 1990 гг. раскопки проводились силами двух отрядов – болгарского, под руководством Л. Стайковой и советского на базе исторического факультета Московского государственного педагогического института (теперь МПГУ), под руководством ст. преп. Крыкина С. М., с участием добровольцев и сотрудника Института археологии АН СССР Смирнова А. М. От лица российской группы хотел бы выразить признательность И. Прокопову и всем помогавшим сотрудникам Кюстендилского музея за хорошо налаженное снабжение и всяческое содействие в работе с привлечением в ряде случаев необходимой техники. К сожалению, по ряду причин общая публикация материалов этих раскопок задержалась. Опубликованные у нас, связанные с результатами изысканий у с. Долна Граштица, тезисы и статьи: Крыкин С. М. Позднеантичное и ранневизантийское «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила // Болгаристика в системе общественных наук. Тезисы докл. II Всесоюзной конф. по болгаристике. – Харьков, 1991. – С. 25-26; *его же*. Фракийские культовые очаги-жертвенники // Церковная археология. Материалы I Всероссийской конф. – Ч. 1. – Псков, 1995. – С. 59-62; *его же*. Долна Граштица-90: фракийские очаги-жертвенники // ЭО. – 2000. – № 1. – С. 81-87; *его же*. Фракийские очаги-жертвенники. – С. 30-38; Винокуров Н. И., Крыкин С. М. К вопросу о фракийском виноделии в первые века нашей эры // ЭО. – 1999. – № 6. – С. 57-68.

22. В 1995 г. нами была предпринята попытка силами малой группы прибыть под Кюстендил и продолжить исследования, но в тогдашней ситуации в постсоциалистической Болгарии это оказалось нереальным, и едва ли в обозримые времена это может осуществиться.

23. См.: Иванов Й. Северна Македония. – С. 13-15 и сл.; Слокоска Л. Античната история на Кюстендилския край според исторически извори и археологически материали // Кюстендил и Кюстендилско. – София, 1973. – С. 35: Пауталия являлась центром земледелия, причем кроме зерновых культур там выращивали овощи и виноград.

24. Винокуров Н. И., Крыкин С. М. Указ. соч. – С. 57-68.

25. Подобной формы башня, в частности, была сооружена в 258 г. вскоре после нашествия готов в крепости Монтана в Подунавье. Форма U-образных башен становится употребительной с III в. и позже, см.: Александров Г. Резултати от разкопките на крепостта Монтана (1971-1982) // Монтана. – Т. I. – София, 1987. – С. 59-60, 76. Интересно, что U-образные башни впервые сооружались в северной Африке в 160-е – 170-е гг., вероятнее всего при Марке Аврелии и Луции Вере (166-169), и использовались до времени Северов – см.: Русева-Слокоска Л. Пауталия. – С. 93-94. По мнению другого болгарского знатока римской археологии Т. Иванова – см.: Иванов Т. Абритус (Римски кастел и ранно-византийски град в Долна Мизия). – Т. I. – София, 1980. – С. 148-159, 206, 211: пример кастелла Тамусида

в Тангитанской Мавретании (ныне Марокко) распространились и далее при Марке Аврелии и Комоде, в Африке подобные башни строились и дальше в III-VI вв., известны того же времени U-образные бастионы в Нике, Троаде и др. местах. На фракийских землях Т. Иванов помимо исследованного им Абриттуса в Подунавие приводит пример первой половины IV в. из Фракии – близ нынешнего г. Габрово.

26. С III в. на манер предллинистических образцов Востока укрепленные виллы широко распространились в пределах Римской империи, и в том числе на фракийских землях – см.: *Димитров Д. П.* За укрепленные виллы и резиденции у траките в предримская эпоха // Исследования в честь на акад. Д. Дечев. – София, 1958. – С. 683-701. Повлияли неоднократно вторжения готов в середине III в. и реорганизация римской армии при Диоклетиане и Константине.

27. *Посев А. Ф.* Дионис // Мифы народов мира. – Т. 1. – М., 1989. – С. 370-382: фракийское происхождение популярнейшего у эллинов божества отечественный миф антиковедения не отрицает, но конкретно виноградарство он стал олицетворять достаточно поздно и в этом смысле примат даже бывших, давно колонизированных фракийских земель, не признавался. Вторгшаяся в начале IV в. до н. э. вглубь Одрисского царства 6-тысячная греческая армия во главе с Ксенофонтон (см.: *Xen. Anab. VII*) высокоразвитые виноградарство и виноделие не заметила.

28. *Мартемьянов А. П.* Из истории земледелия Фракии и Нижней Мезии в первые века нашей эры // РА. – 1995. – № 1. – С. 54; *Винокуров Н. И., Крыкин С. М.* Указ. соч. – С. 65.

29. См.: *Фол А.* История на българските земи в древността до края на III в. пр. н. е. 2-е изд. – София, 1997. – С. 63-73: виноград предпоставенники и предки фракийцев возделывали еще в неолите и позднее в эпохи средней и поздней бронзы.

30. Сомневаются, например, известные болгарские фракологи: *Венедиков Ив.* Развитие на земеделието НПО българските земи. – София, 1981. – С. 100; *Георгиева Р.* Храма и хранене (края на II-I хил. пр. н. е.) // *Георгиева Р., Спиридонов Т., Рехо М.* Етнология на траките. – София, 1999. – С. 84, однако их негативную позицию не разделяет: *Винокуров Н. И.* Виноделие античного Босфора. – М., 1999. – С. 164-165, ссылаясь на сведения знаменитого римского агрария *М. Порция Катона* (Cato, 23) и античного же комментатора *Дидима* (Геор. VII, 24). Античные виноделы для придания своей продукции большей устойчивости, вкуса и аромата действительно применяли изощренные добавки. В 2008 г. в Фессалонике автор этих строк угощался белым вином с добавками хвойной смолы в исполнении понтийских греков, раньше же при личном участии в раскопках Фанагории многократно наблюдал странные густые осадки на дне амфор полисов-экспортеров лучших вин эллинистического античного мира.

31. *Diod. 30, fr. 3.*

32. *Венедиков Ив.* Указ. соч. – С. 93-94. *Элиан* (Var. hist. 3,15) и *Атений* (X, 442 e-f; XII, 531 e – 532 a) акцентировали на этом пагубном пристрастии у фракийцев.

33. В наших раскопках у с. Долна Грантица попались 5 маленьких фрагментов светлоглиняных малоазийских амфор – похоже, по Стримону или по сунне (что менее вероятно), во Фракию попадала в некотором количестве продукция лучших тогда в Восточном Средиземноморье виноделов. Судоходный Стримон вполне мог служить торговой артерией, пусть даже незначительной.

34. *Георгиева Р.* Поминальная практика во Фракии (конец II-I тыс. до н. э.) // *Terra antiquae balcanica VI.* – София, 1991. – С. 25-31; *еже.* Храма и хранене. – С. 84-85.

35. См.: Извори за българската история. – Т. 3. – София, 1958. – С. 162.

36. См. прим. 6 выше.

37. Первая пробная публикация этих открытых эсхар была осуществлена мною: *Крыкин С. М.* Долна Грантица -90: фракийские очаги жертвенники.

38. *Крыкин С. М.* Фракийские очаги-жертвенники. – Рис. 1, 2 на с. 36.

39. Там же. – Рис. 4 на с. 38.
40. *Mikhailov St., Sestrimska M.* The Old School in Kyustendil. Materials from archaeological excavations. – Sofia, 1981. – P. 66-69; *Михайлов Ст., Сестримска М.* Килийното училище в Кюстендил. Материали от археологически разкопки. – София, 1981. – С. 66-69.
41. *Крыкин С. М.* Фракийские очаги-жертвенники. – Рис. 5 на с. 36.
42. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. – К., 1985. – С. 108, рис. 35.
43. *Клейман И. Б., Сон Н. А.* Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиры // МАСП. – 1983. – С. 47-59, рис. 1.
44. *Крапивина В. В.* К вопросу о застройке Ольвии во II-III вв. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 1984. – С. 201; *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Указ. соч. – С. 101, 132. – ср.: *Буйских С. Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). – К., 1991. – С. 140-141; *Krapivina V. V.* Olbia in the Roman period // *Limes. Studi di storia* 5. – Bologna, 1994. – P. 190.
45. См.: *Sultov B.* Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II-nd – IV-th c.) // *Terra Antiqua Balkanica I.* – ГСУИФ. – 1983. – LXXVI. – 2. – София, 1985. – P. 76-79.
46. *Ibidem.* – P. 81. Table XVII; XI, 5; L, 5.
47. Фигурка предположительно сатира на виноградном листе, высотой 0,13 м, сделанная из практически чистой меди вероятнее всего в III в., была очищена известным кюстендилским реставратором П. Игнатовым в августе 1990 г. и с тех пор хранится в фондах Исторического музея города Кюстендила «Й. Иванов». Персонаж немного напоминает бронзовых Дионисов, периодически попадающихся археологам на римских памятниках в различных уголках фракийских земель – см.: *Ogdenova-Marinova L.* Statuettes en bronze du Musé national archéologique a Sofia (statuettes de culte). – Sofia, 1975. – P. 82-85, №№ 76-79.
48. *Бобчев С. Н.* Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи // ИЛИ. – 1961. – Т. XXIV. – С. 155: строительный раствор превратился в розовый, благодаря добавлению толченой керамики-шамота, предположительно в середине III в.
49. *Милчев Ат.* Археологически разкопки и проучвания в долината на Средна Струма // ГСУФИФ. – Т. LIII. – Кн. 1. – София, 1960. – С. 396.
50. *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско // РП. – XI. – София, 1984. – С. 41., илл. 48.
51. *Милошевић Г.* Ранновизантијска архитектура на Светини у Костолацу // Старинар. – XXXVIII. – Београд, 1987. – С. 39.
52. *Найденова В.* Римската вила в с. Кралев дол, Пернински окръг // РП. – XIV. – София, 1985. – С. 7-8.
53. См.: Извори за Българската история. – Т. 2. – София, 1958. – С. 24. Считаю своим долгом выразить признательность В. Любеновой за помощь в изучении очагов-жертвенников и возможность осмотреть объект у махалы Арбанас летом 1990 г., то есть ознакомиться как с опубликованными материалами, так и с самими памятниками наглядно для поиска аналогий.

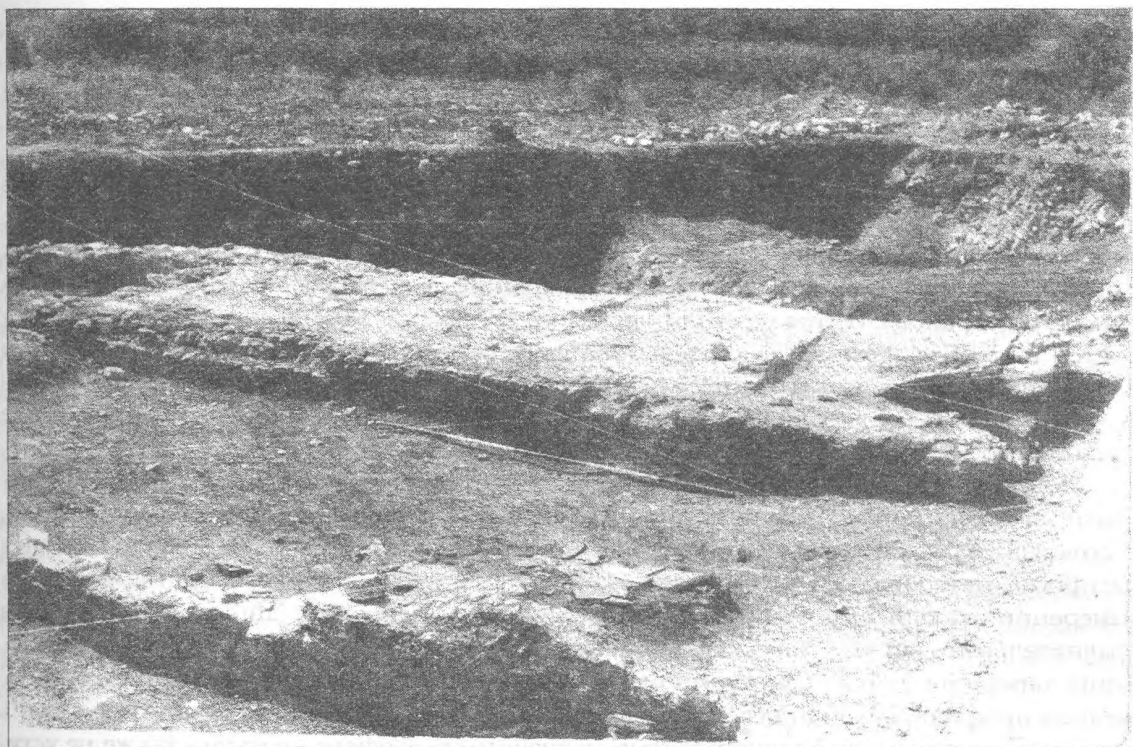

Рис. 1, 2. Винодельческий комплекс на объекте «Градинте».

